

УДК [1: 316]:321(510)“6/19”

А.В. ШАРКОВ, ассистент кафедры философии
ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный
исследовательский университет»,
г. Пермь, ул. Букирева, 15.
Электронная почта: darkdoctor47@yandex.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ КИТАЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В VII – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Большинство развитых стран и международных институтов сегодня придерживаются неолиберального подхода, признающего за свободным рынком роль универсального проводника социальной справедливости. Китайское государство в современных условиях ведет себя более осторожно и не стремится слепо перенимать опыт Запада в области социальной политики. Учитывая, что прошлое всегда присутствует в настоящем и влияет на него, исторический опыт Китая в реализации социальных обязательств государства представляет огромную теоретическую и практическую ценность. Целью автора было с опорой на исторический материал раскрыть сущность социальной функции китайского государства в ретроспекции VII – нач. XX в., а также показать ее проявления в области образования, здравоохранения, социальном обеспечении. В статье дается авторское определение социальной функции государства, анализируется ее формальное закрепление в китайском законодательстве изучаемого периода. Особое внимание уделяется пониманию сущности человека в конфуцианстве и неоконфуцианстве и их влиянию на социальную функцию. К несомненным достижениям китайского государства в социальной сфере можно отнести: усиление поддержки социально не защищенных слоев населения, укрепление института семьи, пенсионного обеспечения чиновников и ученых, что придавало государственной службе особую привлекательность. Развитие сущностных сил человека в Китае происходило при активном участии государства, коллективного начала. Однако в силу неразвитости своих институтов китайское государство вынуждено было передавать исполнение части своих социальных функций другим традиционным институтам: семье, крестьянским общинам. Статья будет интересна студентам вузов и специалистам в области государственного и муниципального управления, политикам, правоведам, философам, историкам.

Ключевые слова: государство; социальная функция; сущность человека; отчуждение; образование; здравоохранение; социальное обеспечение; конфуцианство; семья

Сущность государства, его функции, проблема его происхождения и развития, как центрального элемента политической надстройки всегда были предметом внимания и исследования многих ученых самых разных взглядов и научных направлений. Актуальность изучения современными учеными социальной функции государств на тех или иных этапах истории обусловлено потребностью научного понимания сущности современного государства, процессов, происходящих в нем, и на этой основе выработка предложений для решения важнейших общественных задач.

Начиная с 80-х гг. XX века и по настоящее время в мире доминирует неолиберальный подход к пониманию государства и его роли в обществе. Этот подход основывается на представлениях о том, что государство должно свести к минимуму свое присутствие в экономической и, особенно, в социальной сферах. Такой подход разделяют и используют не все современные государства даже на Западе, например скандинавские страны. Среди восточных государств

явным противником этого подхода является Китай. Вопрос о степени участия государства в социальной сфере сегодня является дискуссионным не только в мировом сообществе, но и в политической элите современной России. Для понимания социальной функции современного государства необходимо отследить историческое развитие этой функции – ее происхождение и проявление в конкретные исторические эпохи.

Функции государства – это определяемые экономической и социальной структурой классового (социально неоднородного) общества основные направления деятельности государства, проявляющиеся в содержании его работы по выполнению стоящих перед ним исторических задач [2, с. 20]. Это определение можно принять за рабочее с одной оговоркой: помимо социально-экономических факторов на функции государства активно оказывают влияние и цивилизационные особенности, такие как религия, культура, менталитет, право и другие надстроечные компоненты.

По нашему мнению, социальная функция государства – это система мер, принимаемая государством на постоянной основе, для воспроизводства населения и поддержания определенного уровня его жизни с целью сохранения единства и целостности государства. Есть основания полагать, что социальная функция государства находится в тесной связи с конкретно-историческим пониманием сущности человека. Понимание и осмысление сущности человека становится возможным благодаря постоянному, объективному ее развитию. Развитие человеческой сущности, развернутое в пространстве и во времени, составляет исторический процесс. С изменениями в понимании природы человека, его сущности и смысла жизни меняется и социальная функция государства. Представляется, что содержанием социальной функции в узком смысле является государственная политика в области образования, здравоохранения и социального обеспечения. В широком смысле слова социальная функция государства показывает отношение государства к человеку через участие в развитии его сущностных сил. Это наиболее глубокая ее сторона, она выражается в обеспечении занятости, в стимулировании познавательной активности индивида, удовлетворении его материальных потребностей, утверждении социально ориентированных прав и свобод и др.

В рамках настоящей статьи будет изучаться весьма внушительный период китайской истории. Исторические рамки исследования выбраны не случайно: к VII в. в Китае складывается средневековое монархическое государство со свойственной ему системой государственного управления и социально-классовой структурой. Анализ социальной функции китайского государства в настоящей статье оканчивается началом XX в. в связи с предреволюционными событиями в Поднебесной.

Китайское общество на протяжении изучаемого периода истории представляло собой ярко выраженную иерархическую структуру с монархической, централизованной формой правления, преобладанием аристократических начал в социальной и политической жизни и весьма дробным сословным делением, отражавшим различную степень относительной личной свободы или зависимости [9, с. 174].

Как и в древности, для Китая в изучаемый период истории было характерно разделение населения на чиновников и всех остальных. Верховным собственником земли по-прежнему являлось государство с неограниченными возможностями вмешательства в институт частной собственности. Обеспечение благополучия народа было неразрывно связано с грубым вмешательством в систему общественных отношений.

Китайская цивилизация демонстрировала высокие достижения в области социального законодательства. Правовая защита старости и детства, укрепление института семьи развивается в систематизированных нормативно-правовых актах – кодексах. Таких кодексов в изучаемый период истории было несколько, однако нами в рамках настоящего исследования будут проанализированы только самые репрезентативные¹: кодекс династии Тан (Тан люй шу и) и законы династии Мин (Да Мин люй, Да Мин лин).

Свое законченное выражение традиционная китайская правовая мысль получает в кодексе династии Тан, который известен как «Тан люй шу и». Он был написан в 652 г. и стал основой для всех последующих сводов законодательства императорского Китая.

«Тан люй шу и» это кодифицированный нормативно-правовой акт императорского Китая, который разрабатывался и принимался для регулирования вопросов уголовной ответственности. Однако через призму этого кодекса можно разглядеть приоритеты государственной политики в социальной сфере. Установлено, что предметом правового регулирования кодекса Тан являлись и определенные отношения в семье, которые государство охраняло уголовно-правовыми средствами.

Во-первых, степень тяжести наказания варьировалась в зависимости от близости родства [24, с. 37–38]. Наказание за преступление младшего члена семьи против старшего было несоразмерно тяжелее наказания за аналогичные действия старших в отношении младших. Вообще достаточно сложно было отличить жесткие меры воспитательного характера в отношении младшего в семье от преступления. Такими методами охранялась семейная иерархия и социальная гармония, нарушение которой воспринималось как вызов всему обществу.

Кодекс в конфуцианском духе определял меру наказания для человека, совершившего преступное деяние, в зависимости от его возраста, здоровья, социального положения и места в системе кровно-родственных связей. В первую очередь привилегии распространялись на чиновников. Например, чем выше был ранг чиновников в системе государственной службы, тем более мягкое наказание он мог понести и тем выше была вероятность откупиться от наказания.

Во-вторых, устанавливалась коллективная ответственность за совершение преступлений. Эта мера была призвана стимулировать семейное единство в различных ситуациях и внутренний взаимоконтроль. В контекст этого положения хорошо вписывается норма об особой социально-правовой ответственности старших за младших [24, с. 43].

¹ Кодекс династии Сун «Сун син тун» (963 г.) хотя и относится к изучаемому периоду, однако он во многом лишь воспроизводит положения кодекса династии Тан и в рамках настоящего исследования не представляет самостоятельного интереса.

«Тан луй шу и» выделял десять так называемых «злодеяний». Особое место среди них занимает «сыновья непочтительность». Закон рассматривает как преступление действия детей, направленные на обособление собственного имущества от имущества семьи, отказ от обязанности содержать своих родителей, а также дедушек и бабушек и других близких родственников [23, с. 1–23].

Особое отношение государство к институту семьи можно проследить и в других нормах кодекса. Китайцам полагалось «изъявлять скорбь» по кончине родителей, их «милость» по отношению к своим детям в законе сравнивается с милостью неба, которую «...никто не может оплатить вполне» [25, с. 59]. Траур по родителям согласно закону устанавливался в 27 месяцев.

Запрещалось скрывать скорбь, организовывать или участвовать в увеселительных мероприятиях (музицирование, праздничные пиры, игры, ношение нетраурных одеяний и т.д.) в период траура.

«Тан луй шу и» также признавал уголовным преступлением заключение брака сыном или внуком по мужской линии либо дочерью или внучкой по мужской линии в тот период времени, когда дед или бабка по мужской линии либо отец или мать находятся в тюрьме и не одобрили заранее этот брак [25, с. 165].

Из текста анализируемого уголовного закона следует, что выделялись определенные категории населения, которые освобождались от налогов и повинностей – «едоки», к ним относились «...больные, старые, юные или малые» [25, с. 111]. В каждом населенном пункте Китая в то время эти люди подлежали обязательному учету. Закон охранял их право на социальную поддержку и устанавливал наказания для тех, кто необоснованно по документам учета был вписан в списки «едоков» (чаще всего это происходило путем манипуляции с возрастом, и состоянием здоровья).

По мнению В.М. Рыбакова, «Тан луй шу и» оказал решающее влияние на все последующее правотворчество в Китае и сопредельных государствах вплоть до эпохи Нового времени включительно [24, с. 31].

Этот нормативно-правовой акт имел ярко выраженное философское обоснование: в статьях закона четко прослеживается синтез идей легизма и конфуцианства. Основное его назначение заключалось в охране морали и традиционных ценностей китайцев через государственное принуждение. В кодексе есть прямое указание на то, что нормы кодекса перестанут применяться с того момента, когда будет достигнут высокий уровень нравственности в китайском обществе. Смысл применения уголовного закона заключался в восстановлении гармонии внутри общества, а также между человеком и природой. Природа, отдельный человек и общество в целом рассматривались как неразрывные и взаимообусловленные компоненты мироздания.

Первоначальный вариант законов династии Мин был составлен в 1367 г. и неоднократно перерабатывался на протяжении правления этой династии. Он устанавливал наказания в зависимости от возраста и состояния здоровья преступника и потерпевшего. Престарелые, малолетние, инвалиды или тяжелобольные люди, по закону, имели право на смягчение наказания даже в случае совершения тяжких умышленных преступлений [8, с. 208–216, 309–312]. Эти

правила содержались в разделе «Восемь оснований для рассмотрения дела в особом порядке». В кодексе содержится норма о возможности указанных выше категорий населения по некоторым основаниям откупиться от наказания.

Законы династии Мин во многом воспроизводили положения «Ган люй шу и», однако следует обратить внимание на правовые нововведения, а также разные модификации старых норм, которые имеют социальную ориентацию, и могут расцениваться как проявление социальных обязательств китайского государства:

1) законом наказывались действия по переложению налогов и повинностей богачей на бедняков [17, с. 97];

2) местным чиновникам предписывалось «выдавать на пропитание» всем вдовцам (вдовам), сиротам и бездетным старикам, а также больным неизлечимыми болезнями, беднякам, которые не в состоянии прокормить себя (помощь оказывалась в натуральной форме одеждой, зерном и т.д.) [17, с. 100];

3) не допускался отказ от родственных обязанностей по содержанию и уходу за своими больными и пожилыми родителями (80 лет) [21, с. 111];

4) предусматривалось материальное обеспечение бездетных вдов не вышедших вторично замуж [20];

5) устанавливалась норма о праве сыновей и внуков военных чиновников на материальное содержание до достижения ими возраста 16 лет, а при отсутствии наследников мужского пола вдова военного чиновника имела право обратиться к государству с просьбой о назначения пожизненного содержания [20];

6) предусматривалась возможность наследовать чиновничью должность «в порядке покровительства» (решением императора потомок выдающегося государственного деятеля мог быть награжден рангом, титулом и т.д.) [20].

Развитие системы здравоохранения в этот период связывается исследователями с открытием в столице Высшей медицинской школы Тай-и-шу (624 г.). При школе работали доктора, инструкторы, младший медицинский персонал. Также при Тай-и-шу функционировали аптека, штат которой насчитывал 34 человека. С 629 г. в Поднебесной начинают действовать региональные отделения этой школы в провинциальных центрах. По мнению ученых, медицинские учреждения и установления той эпохи стали образцом для последующих династий, но достигнутый тогда уровень организованности и нормативной разработанности остался практически недостижимым [7, с. 400].

В X–XI вв. продолжает развиваться и достигает высокого уровня храмовая медицина (в основном при буддийских и даосских монастырях).

В период XI–XIII вв. городской быт стал значительно отличаться от деревенского, города расширялись, а вместе с ними и функции местных властей. Открывались аптеки, работала противопожарная служба, организовывался вывоз нечистот [9, с. 318].

При монгольской династии Юань были предприняты попытки создать департаменты медицинского образования в каждой провинции и уезде, раз в три года проводить аттестацию врачей, запретить практику не аттестованным лекарям, обязать врачей получать образование в официальных медицинских школах и т.п. Однако эти мероприятия носили в значительной мере

формальный характер, департаменты существовали лишь номинально. Монголы больше доверяли мусульманским, нежели китайским врачам, что способствовало проникновению в Китай теорий арабской медицины [7, с. 400].

Начиная с эпохи Цин в Китае медицинские знания активно развиваются благодаря западным миссионерам [7, с. 401].

Особого внимания заслуживает политика китайского государства в области образования, так как здесь Китай на протяжении многих веков не имел себе равных. Среди ученых сложилось мнение, что система профессионального обучения, включавшая художественные, технические, естественнонаучные (математические) и медицинские школы (учреждения) сложилась уже в VII в., на тысячелетие раньше, чем в Европе [3, с. 7].

К IX в. система образования расширилась и укрепилась. Как и прежде, она ориентировалась на служебное и социальное продвижение путем сдачи экзаменов. В столице имелось восемь училищ различного профиля. Училища и школы были открыты также в областных, окружных и уездных центрах.

Нельзя полностью утверждать, что система экзаменов была безупречная и эффективная. Она зачастую становилась социальным лифтом, прежде всего, для родственников служилых людей, богатых и знатных семей. По приблизительным подсчетам, в период Сун контингент потомственных служащих составлял в среднем 25%, а вместе с выходцами из знати — более половины чиновничества [9, с. 313]. В этом проявлялся феномен сращивания богатства и государственной службы, причем наличие второго открывало широкий доступ к первому. Наряду с государственными начинают функционировать частные учебные заведения. В этот период в стране насчитывалось около 1100 государственных школ, в которых обучались 200 тысяч учеников, в том числе 3800 в Императорском университете [14, с. 333–334]. Императорский университет «Тайсюэ» был самым большим по масштабам учебным заведением высшего образования Древнего мира и раннего Средневековья [1, с. 170].

Особый социальный статус имели обладатели ученой степени цзиньши – шеньши. Они гарантированно поступали на государственную службу и уверенно продвигались по карьерной лестнице. Шеньши пользовались особыми правами и привилегиями: носили знаки отличия, получали право строить дома особой формы, пользовались ежегодным месячным отпуском, освобождались от воинской повинности и уплаты налогов, имели право на государственное пенсионное обеспечение с повышенными выплатами.

Политика династии Сун была направлена на поддержку образования и науки. Образовательная система включала центральные государственные учебные заведения высшие учебные заведения, а также специализированные высшие школы. Развивались местные школы, контролируемые местными органами управления образования. Своеобразную роль «министерства образования» взяла на себя императорская академия «Го цзы цзянь» [19, с. 200].

В эпоху династии Мин окончательно складывается система государственных экзаменов, которая состояла из трех последовательных уровней (уезды, провинции, столица)² и действовала до начала XX в. В Пекине и Нанкине

² Императорская система экзаменов была создана в 606 г. в период правления династии Суй (581–618).

работали высшие Государственные школы. С 1375 года создавались деревенские школы, составлявшие начальный уровень системы образования. Правительство и администрация императора выполняли контролирующие и направляющие функции, устанавливая рекомендованную литературу, форму проведения экзаменов и требования к ним. По мнению ряда ученых, система императорских экзаменов оказала влияние на развитие и становление системы гражданских экзаменов во многих странах Азии, Северной Африки и даже в странах Европы и Америки [19, с. 200].

В 1616 г. были опубликованы два манускрипта итальянского миссионера Маттео Риччи, которые расширили знания европейцев о Поднебесной. В этих работах отмечался высокий уровень образованности китайского населения: около десяти процентов мужского населения были высокообразованными людьми [14, с. 426].

После поражения Китая во второй опиумной войне система образования под влиянием Запада вступила на путь реформирования. Начали создаваться учебные заведения западного образца в военной, медицинской, судостроительной областях. Выпускники этих училищ были призваны обслуживать новые учреждения и предприятия, заводы, фабрики и шахты. На китайский язык начали переводить иностранные книги по науке и технике, а также международному праву и дипломатии [12, с. 212].

С 1902 года заработала новая, трехступенчатая, система школ по западному образцу и китайское образование утратило свою ортодоксальность. Таким образом, переход к новой системе образования практически совпал со временем становлением капиталистических отношений в китайском государстве, его вхождением в мировой рынок.

На протяжении изучаемого периода истории китайского государства в области образования, воспитания и общественном сознании в целом господствовало учение Конфуция и его последователей. Можно утверждать, что конфуцианство и неоконфуцианство активно влияли на социальную функцию китайского государства, обосновывая свое понимание сущности человека и человеческих взаимоотношений. Нам представляется необходимым дать анализ этой философской позиции.

С точки зрения древнекитайского философа, не каждый человек способен управлять Поднебесной, но тот, кто прилагает усилия и стремится к самосовершенствованию, к идеалу благородного мужа. Конфуций в своих работах постоянно уточняет этот образ, стараясь описать соответствующие человеческие качества и ухватить природу человека. В итоге философ приходит к выводу: «... по своей природе люди близки друг другу; по своим привычкам люди далеки друг от друга» [6, с. 171].

А.И. Кобзев справедливо считает, что в этом высказывании заключена мысль о единстве человеческой природы и ее нейтральности по отношению к добру и злу, которые овладевают человеком под влиянием внешних обстоятельств [13, с. 160]. Следовательно во всех людях заложено нечто общее, то, что их роднит, некий набор характеристик, качеств, некая родовая сущность (в этическом смысле слова). Однако, наблюдая за поведением, людей, их поступками, он приходит к выводу, что каждый человек делает свой моральный

выбор пути развития, который приводит к совершению низких или благородных поступков. В итоге нравственный образ человека определяет его социальный статус и положение в обществе [15, с. 155–198].

Согласно Конфуцию, высокое положение в обществе занимает только «благородный муж» (цзюнь-цзы) - человек, не совершающий зла и низких поступков. В.К. Сергеев считает, что нормы солидарности, отношения симпатии, непричинения зла друг другу – все это было актуально только для родовой аристократии, к которой принадлежал сам Конфуций [22, с. 232].

Другой характерной чертой конфуцианской философии являлся социоцентризм, который исходил из примата коллективного начала над индивидуальным. Именно семье в китайской политике придавалось большее значение, чем личности. Отношение к человеку определялось в его сравнении с другими, с коллективом, с семьей, с обществом в целом. Государство же понималось Конфуцием как большая семья, а семья как малое государство [4, с. 56].

Последователь Конфуция – Мэн-цзы (372–289 до н.э.) и мыслитель Сюнь-цзы (313–238 до н.э.) дали свои трактовки учения.

Мэн-цзы полагал, что все люди по своей природе добры и это качество даровано человеку Небом. В процессе своей жизнедеятельности человек способен совершать дурные поступки, но только под воздействием внешних обстоятельств или внутренних страстей. Однако даже в этом случае у него остается возможность наблюдать за своим внутренним миром и самосовершенствоваться для того чтобы вновь приблизиться к своей природе (сущности).

Эта философская позиция о доброте человеческой природы критиковалась в трудах другого мыслителя – Сюнь-цзы. Философский подход Мэн-цзы был поставлен им с ног на голову. С точки зрения Сюнь-цзы, человек по своей природе зол, а его добродетель может проявляться только в процессе жизнедеятельности. Вообще стремлению людей к добродетели и самосовершенствованию он трактует как следствие злой природы человека. Для того чтобы через практическую деятельность сделать человека добродетельным, он предлагает воздействовать на него посредством воспитания, закона и ритуала: «Поскольку человек по своей природе зол, он непременно нуждается в управлении со стороны совершенно мудрых ванов³ и в воспитании с помощью норм ритуала и чувства долга» [26, с. 262]. Сюнь-цзы был убежден, что правильное управление государством является залогом благополучной жизни населения.

У этих двух подходов, несмотря на очевидные расхождения, есть и общие позиции. Т.Г. Мазур утверждает, что все конфуцианцы в конечном счете признавали возможность искусственного воспитания в человеке добра и нейтрализации зла путем воздействия на него окружающей социальной среды [16, с. 36–37]. Есть основания полагать, что политика китайского государства в области образования строилась вокруг этого принципа на протяжении многих веков. Высшими ценностями и качествами человека объявлялись те, что были издревле свойственны китайской аристократии: уважение к старшим, соблюдение церемоний и обрядов, знание государственных традиций, любовь

³ Ван – неформальный титул правителя, который носили все монархи государства в традиционном Китае.

к гуманитарным дисциплинам и т.д. Прослойка аристократии при поддержке государственного аппарата была жизненно заинтересована в устойчивости такой системы, что объясняет ее столь длительное существование.

Социальная функция китайского государства также имела свои особенности и в области социального обеспечения. Зарубежный исследователь Китая Р. Крюгер отмечает целый ряд мероприятий в области социальной политики, которые проводились при династии Сун:

- организовывались приюты для стариков и бездомных;
- из государственной казны оплачивался труд врачей, которые занимались оказанием услуг бедным на дому и в больницах;
- с 1167 года государство начало кредитование крестьян в особом порядке и под небольшой процент;
- с 1247 года открываются приюты для детей сирот;
- с 1248 года неимущие люди получили возможность получать бесплатно лекарства из аптек;
- поддерживалась система государственных зернохранилищ⁴, которые использовались в годы неурожая для продажи населению по сниженным ценам;
- выплата пенсий состарившимся солдатам, оплата им почтовых сообщений и услуг носильщиков [14, с. 335–336, 338].

Для реализации этих мероприятий зачастую создавались специальные управления и отделы при администрации императора или правительстве.

Одним из способов социальной поддержки служилых людей в 70-х гг. XIV в. была передача им как в постоянное владение, так и в держание взамен жалования земельных участков. Такие меры поощрения применялись вплоть до 1392 г.

Указом императора (1368 г.) крестьянам давали возможность работать на заброшенной земле и в течение первых трех лет не платить с дохода налоги.

Позже в 1391 г. всем подданным разрешалось в любом количестве и на безвозмездной основе приобретать в собственность необработанные земельные участки, которые они смогут содержать самостоятельно [9, с. 535].

Нижний слой китайского общества составляли рабы. Их количество было невелико, однако правительство при династии Мин принимало меры к ограничению рабской зависимости. Среди них можно выделить следующие:

- в 1373 году был издан приказ об освобождении тех, кто «был вынужден» стать рабом при монгольской власти;
- государством из средств казны практиковался выкуп рабов на свободу;
- с этого времени людям из незнатных родов было запрещено иметь рабов [9, с. 542].

Минское правительство высоко ценило статус государственных служащих, поэтому давало им ряд привилегий и гарантий в области социального обеспечения. Например, чиновнику разрешался трехмесячный оплачиваемый отпуск по болезни. Устанавливался пенсионный возраст в 50 лет, после которого чиновник при наличии особых оснований мог больше не работать и получать небольшую пенсию [14, с. 420]. Если таковых оснований не находилось, то он работал до 70 лет и только потом выходил на пенсию.

⁴ Отметим, что зернохранилища и практика помощи населению в случае неурожая известны уже при династии Хань.

В XVI веке у европейских государств возникает интерес к изучению Востока и в минский Китай начинают прибывать миссионеры. Этот процесс особенно усиливается во второй половине XVI века. Португалец Галеота Перейра, побывав в Китае в 60-х гг., оставил множество воспоминаний о своей поездке в Поднебесную. Европейец весьма высоко оценил социальную политику китайского государства, его внимание привлекли государственные больницы и приюты для слепых, больных и хромых, отсутствие нищих, государственные запасы зерна [14, с. 423].

При маньчжурской династии Цин продолжают пользоваться особым социальным обеспечением люди, которые относились к шэньши. Эта социальная прослойка формировалась из людей, успешно сдавших государственные экзамены, но не получивших должности чиновников. Они освобождались от трудовых повинностей, могли временно освобождаться от уплаты налогов.

Правительство династии Цин продолжало ограничивать отношения рабства, смягчала эксплуататорские отношения аренды и найма.

Также для уменьшения социальной напряженности и обнищания масс, которая остро ощущалась в Китае в последней четверти XVIII в., император Хунли все чаще вынужден был идти на уступки населению и расширять социальные функции государства. Например, в некоторых территориях, пострадавших от стихийных бедствий и катастроф, отменялись налоги, практиковалась раздача зерна из государственных хранилищ [10, с. 604].

Император не только как глава государства, но и как «отец народа» сохранил с древнейших времен ритуально-обрядовую функцию. Имеются данные, что даже в XVII–XVIII вв. и позже Сын Неба одновременно являлся верховным жрецом в государстве, обладавший божественным происхождением. Таким образом, в его лице соединялись политические, социальные и сакральные составляющие. Он дважды в год проводил религиозные церемонии (молился и приносил жертвы), призывая Небо быть милостивым к китайскому народу [11, с. 290].

Крестьянская община особенно при династии Цин, была сильным социальным институтом и выполняла ряд социальных функций, используя для этого выделенные ей земли. Доходы от так называемых «училищных» земель направлялись общиной на содержание деревенской школы, оплату услуг учителей, помощь талантливой молодежи, желавшей продолжить образование, но не имевшей на это средств. Доходы от так называемых «благотворительных» земель направлялись на помощь наименее обеспеченным членам общины [11, с. 284]. Община выполняла эти социальные функции постольку, поскольку человек в коллективе имел потребность в поддержке и социальной защите, которую в недостаточной мере получал от государства.

Таким образом, социальная функция китайского государства в изучаемый период имела свои особенности. Государство постепенно увеличивало свое присутствие в социальной сфере общественного развития. Усиление социальных функций можно связать с усложнением и увеличением потребностей человека в помощи, поддержке, познании. Продолжительный период феодализма можно отнести к цивилизационным особенностям Китая. С древнейших времен и до начала XX века конфуцианство и соответствующее ему понимание сущности человека обеспечивало неизменность института образования.

Культ грамотности и образования занимал особое место в лоне социально-культурных ценностей древнего и средневекового Китая.

Не только в конфуцианстве, но и вообще в традиционных китайских учениях прослеживается понимание человека как микрокосма: порядок и гармония в обществе является продолжением порядка и гармонии в природе. Более того, человек понимался как наиболее полное выражение мировых законов [5]. Общество и государство не рассматривались сами по себе, как явления самостоятельные, не зависящие от законов природы. Китайские мыслители полагали, что, как и в природе, человеческому обществу свойственна самоорганизация. Этой основой признавалась мораль, которая и определяла отношения между родителями и детьми, между господином и слугой, между мужем и женой, между старшими и младшими, между друзьями, братьями и т.д. В основе каждого из перечисленных взаимоотношений лежала мера должного поведения (долг, учтивость, искренность, знание, человечность и т.д.), которая мыслилась как естественная.

Уменьшенной и упрощенной моделью общества в Китае являлась семья. Анализ политики китайских властей и законодательства дает основание полагать, что семья находилась в фокусе внимания государства с древнейших времен и на протяжении всего изучаемого периода.

Анализ наиболее влиятельных традиционных китайских философских школ также позволяет утверждать, что антропологическая проблематика была важнейшим предметом размышлений. Наиболее четкое обоснование государственной социальной политика получала в конфуцианстве, которое в определенной степени формировало миропонимание и мироощущение жителей Поднебесной.

Государство выступало проводником социальной справедливости, ее гарантом. Мыслители полагали, что влияние государства на общество было сравни влиянию силы притяжения на физические тела. Социальный порядок, выстроенный в таком государстве, являлся продолжением порядка мирового и не подвергался сомнению. Социальная функция была одним из важнейших инструментов поддержания социальной справедливости.

Государство понималось не только как большая семья, но и как коллективный воспитатель, высокая и исключительная компетенция которого в этой сфере, воспринималась как аксиома. Китайское государство как коллективный воспитатель своего населения было сильно отчуждено от народа, намного ощутимее, чем в европейских обществах. Отсутствие частной собственности на средства производства в Китае косвенно обосновывалось конфуцианством. Ведь управление собственностью, трудовыми ресурсами, налоговой и социальной политикой было под силу не каждому человеку, а только «совершенно мудрому». И только он знал, что будет лучше для народа.

В философии Конфуция и его последователей можно проследить выделение в человеческой сущности двух компонентов: 1) каким является человек по факту своего рождения; 2) каким становится человек в результате своей жизнедеятельности⁵. Первый компонент сущности человека принадлежит каждому

⁵ Философская позиция конфуцианства имеет некоторое сходство с той, которая позже будет сформулирована Марксом в его учении о родовой и индивидуальной сущности человека. Разрешение противоречия между ними немецкий философ возведет в ранг главной загадки истории.

от рождения и не изменяется на протяжении жизни. Второй компонент формируется индивидуальным бытием человека, его поступками, действиями и в первую очередь – моральным выбором. Способность человека изменять свою жизнь, жизнь своей семьи, общины, государства есть вопрос нравственности, силы воли и ценностей.

Исторически сложившееся разделение населения на чиновников и всех остальных вполне укладывалось в конфуцианскую философию, однако вместе с этим обостряло противоречие между родовой и индивидуальной сущностью человека. Глава государства, его окружение, чиновники и родовая аристократия фактически олицетворяли собой конкретно-историческую форму проявления универсальной природы человека. Эти люди исполняли роль избранных, узурпировав родовые силы человека и получая на это высокую санкцию конфуцианства как государственной идеологии [18]. Такое положение дел вело к отчужденности большей части населения от государственных дел и вопросов управления делами общества.

В европейских государствах основным условием реального участия того или иного человека в политической жизни было наличие частной собственности на средства производства. В Поднебесной все обстояло иначе: человеку необходимо было занять достойное место на государственной службе или же искать поддержки и покровительства родовой аристократии, имевшей доступ к государственным ресурсам.

К несомненным достижениям китайского государства в социальной сфере можно отнести усиление поддержки социально не защищенных слоев населения, укрепление института семьи, пенсионного обеспечения чиновников и ученых, что придавало государственной службе особую привлекательность. Развитие сущностных сил человека в Китае происходило при активном участии государства, коллективного начала. Крестьянская община уступает многие свои социальные функции государству, но, тем не менее, остается наряду с семьей важнейшим социальным институтом и сохраняет часть социальных функций.

Список литературы

1. *Базарова А.Н.* Роль конфуцианства в развитии традиционного образования в Китае // Вестн. Бурят. ун-та. 2012. № 8 С. 169–172.
2. *Бондарев А.С.* Функции государства: понятие и классификация // Юрид. наука в современ. мире: фундамент. и приклад. проблемы: Сб. науч. тр. юрид. ф-та. Пермь, 2000. Ч. I. С. 18–34.
3. *Боревская Н.Е.* Государство и школа на пороге третьего тысячелетия. М.: Восточная литература, РАН, 2003.
4. *Ван Янь Янь.* Традиции семейного воспитания в Китае // Изв. Рос. гос. педагог. ун-та им. А.И. Герцена. 2007. Т. 17, № 43-2. С. 54–57.
5. *Григорьева Т.П.* Человек и мир в системе традиционных китайских учений // Проблема человека в традиционных китайских учениях / под ред. Т.П. Григорьевой. М.: «Наука», 1983. С. 6–16.
6. *Древнекитайская философия.* Собрание текстов в двух томах. Т. 1. М.: Мысль, 1972. 363 с.

7. *Духовная культура Китая: энциклопедия*: в 5 т. Т. 5: Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование / под ред. М.Л. Титаренко и др. М., 2009. 1087 с.

8. *Законы Великой династии Мин. Ч. I* / Пер. с китайского, исслед., примеч. и прилож. Н.П. Свистуновой // Памятники письменности Востока. СХІІІ. I. М., 1997.

9. *История Востока*: в 6 т. Т. 2: Восток в средние века / гл. редкол.: Р.Б. Рыбаков (пред.) и др.; отв. ред. Л.Б. Алаев, К.З. Ашрафян. М.: Вост. лит. РАН, 2002. 716 с.

10. *История Востока. Т. III. Восток на рубеже средневековья и нового времени. XVI–XVIII вв.* / под ред. Р.Б. Рыбакова, Л.Б. Алаева. М.: Вост. лит. РАН, 2000. 696 с.

11. *История Китая* / под ред. А.В. Меликсетова. М., 1998.

12. *История Китая с древнейших времен до наших дней* / под ред. М.Ф. Юрьева, Л.В. Симановской. М.: «Наука», 1974.

13. *Кобзев А.И.* Проблема природы человека в конфуцианстве (от Конфуция до Ван Янмина) // Проблема человека в традиционных китайских учениях / под ред. Т.П. Григорьевой. М.: «Наука», 1983. С. 207–230.

14. *Крюгер Р.* Китай. История страны / пер. Д. Воронина, Ю. Гольдберга; предисл. К. Королева. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2008. 544 с.

15. *Куань Х.* Янь те лунь // Древнекитайская философия. Эпоха Хань / под ред. В.Г. Бурова. М.: Наука, 1990. 523 с.

16. *Мазур Т.Г.* Категория «природные качества» человека в современном Китае: ее содержание и идейные истоки // Вестн. Том. гос. ун-та. 2012. № 359. С. 34–37.

17. *Материалы* из «Свода законов династии Мин» о социально-экономических отношениях в Китае XIV–XVII веков / пер. Н.П. Свистуновой // Народы Азии и Африки. 1962. № 3. С. 94–102.

18. *Мусаелян Л.А.* Становление концепции исторического процесса и проблема отчуждения родовой сущности человека // Новые идеи в философии: межвуз. сб. науч. тр. / Пермь: Перм. ун-т., 2002. Вып. 11. С. 60–81.

19. *Салимова К, Додде Н.* Педагогика народов мира: История и современность. М.: Педагогическое общество России, 2001. 576 с.

20. *Свистунова Н.П.* Законы о наследовании в минских кодексах Да Мин лин и Да Мин люй [Электронный ресурс]. URL: http://www.synologia.ru/a/Законы_о_наследовании_в_минских_кодексах_Да_Мин_лин_и_Да_Мин_люй (дата обращения: 03.04.2015).

21. *Свистунова Н.П.* Принцип ли в минском законодательстве // Народы Азии и Африки. 1983. № 1. С. 104–112.

22. *Сергеев В.К.* Истоки гуманистических исканий философской мысли древнего Востока // Вестн. науки Сибири. 2012. № 1 (2). С. 231–236.

23. *Тан люй шу и* (Кодекс династии Тан с комментариями и разъяснениями). Цзюань I. Серия «Жэнь жэнь вэньху». Тайбэй, 1980.

24. *Уголовные установления династии Тан (Тан люй шу и)*. Т. 1, цз. 1–8. Вст. ст., пер. с кит., коммент. В.М. Рыбакова. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999.

25. *Уголовные установления династии Тан (Тан люй шу и)*. Цз. 9–16. Вст. ст., пер. с кит., коммент. В.М. Рыбакова. СПб: Петербургское востоковедение, 2001.

26. *Феохтистов В.Ф.* Философские и общественно-политические взгляды Сюнь-цзы. М.: «Наука», 1976.

Получено 30.04.2015

References

1. Bazarova, A.N. (2012), “The role of Confucianism in the development of traditional education in China”, *Vestnik Buryatskogo universiteta*, no. 8, pp. 169–172.

2. Bondarev, A.S. (2000), “Functions of the State: the definition and classification”, *Yuridicheskaya nauka v sovremennom mire: fundamental'nye i prikladnye problemy: Sb. nauch. tr. yurid. f-ta* / [Legal science in the modern world: fundamental and applied problems: Proceedings of the Law Faculty Perm State University], vol. I., Perm, Russia, 2000, pp. 18–34.

3. Borevskaya, N.E. (2003), *Gosudarstvo i shkola na poroge tret'ego tysyacheletiya* [State and school on the beginning of the third millennium], Vostochnaya literatura, RAN, Russia.

4. Van, YAN' YAN' (2007), “The tradition of family fostering in China”, *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena*, no. 43 (2), pp. 54–57.

5. Grigor'eva, T.P. (1983), “Human and the world in the traditional Chinese doctrines”, in Grigor'eva, T.P. (ed.), *Problema cheloveka v tradicionnyh kitajskih ucheniyah* [The problem of human in traditional Chinese exercises], Nauka, Moscow, Russia, pp. 6–16.

6. Burov, V. G. and Titarenko, M. L. (ed.) (1972), *Drevnekitajskaya filosofiya. Sobranie tekstov v dvuh tomah* [Ancient Chinese Philosophy. Collection of texts in two volumes], Mysl', Moscom, Russia, vol. 1, 363 p.

7. Titarenko, M. L. (ed.) (2009), *Duhovnaya kul'tura Kitaya: ehnciklopediya v 5 tomah, Tom 5 Nauka, tekhnicheskaya i voennaya mysl', zdavoohranenie i obrazovanie*, [Spiritual Culture of China: Encyclopedia in 5 volumes, vol. 5 Science, technology and the military thought, health and education], Moscow, Russia, 1087 p.

8. Chunakova O.M. (ed.) (1997), *Zakony Velikoj dinastii Min*, Chapter I [The laws of the Great Ming Dynasty, Part I], in *Pamyatniki pis'mennosti Vostoka. SXIII. I.* [Written Monuments of the East. SXIII. I.], Translated by Svistunova, N.P., Moscow, Russia.

9. Alaev, L.B. and Ashrafyan, K.Z. (ed.) (2002), *Istoriya Vostoka, v 6 tomah, tom 2, Vostok v srednie veka* [The history of the East. In 6 volumes. Volume 2: East in the Middle Ages], Vostochnaya literatura, RAN, Moscow, Russia, 716 p.

10. Rybakov, R.B. and Alaev, L.B. (ed.) (2000), *Istoriya Vostoka. Tom III. Vostok na rubezhe srednevekov'ya i novogo vremeni XVI–XVIII vekov* [The history of the East. Volume 3. East at the turn of the Middle Ages and Modern Times XVI–XVIII century], Vostochnaya literatura, RAN, Moscow, Russia, 696 p.

11. Meliksetov, A.V. (ed.) (1998), *Istoriya Kitaya* [History of China], Moscow, Russia.

12. YUr'ev M.F. and Simanovskaya, L.V. (ed.) (1974), *Istoriya Kitaya s drevne-jshih vremen do nashih dnei* [The history of China from ancient times to the present day], Nauka, Moscow, Russia.
13. Kobzev A.I. (1983), "The problem of human nature in Confucianism (from Confucius to Wang Yangming)", in Grigor'eva, T.P. (ed.), *Problema cheloveka v tradicionnyh kitajskih ucheniyah* [The problem of human in traditional Chinese exercises], Nauka, Moscow, Russia, pp. 207–230.
14. Kryuger R. (2008), *Kitaj. Istoriya strany* [China. History of the country], Translated by Voronina, D. and Gol'dberg YU., EHksmo, Moscow, Midgard, St. Petersburg, Russia, 544 p.
15. Kuan', H. (1990), "YAn' te lun'", in Burov, V.G. (ed.), *Drevnekitajskaya filosofiya. EHpoха Han'* [Ancient Chinese Philosophy. The era of Han], Nauka, Moscow, Russia, 523 p.
16. Mazur, T.G. (2012), "The category of man «natural qualities» in modern China: content and ideological sources", *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 359, pp. 34–37.
17. Svistunova, N.P. (1962), "Materials from the «Laws of the Ming Dynasty» about socio-economic relations in China XIV-XVII centuries", *Narody Azii i Afriki*, no. 3, pp. 94–102.
18. Musaelyan, L.A. (2002), "Formation of the historical process concept and the problem of alienation of man tribal nature", in *Novye idei v filosofii* [New ideas in philosophy], Izdatel'stvo Permskogo gosudarstvennogo universiteta, Perm, Russia, pp. 60–81.
19. Salimova, K and Dodde, N. (2001), *Pedagogika narodov mira: Istoriya i sovremennost'* [Pedagogy nations of the world: History and the Present], Pedagogicheskoe obshchestvo Rossii, Moscow, Russia, 576 p.
20. Svistunova, N.P. (2002), "Inheritance laws in Minsk codes Da Min Lin and Da Min Lu", available at: http://www.synologia.ru/a/Законы_о_наследовании_в_минских_кодексах_Да_Мин_лин_и_Да_Мин_люй (Accessed 03 April 2015).
21. Svistunova, N.P. (1983), "The principle «Li» in legislation of Ming Dynasty", *Narody Azii i Afriki*, no. 1, pp. 104–112.
22. Sergeev, V.K. (2012), "Humanistic searching sources of the ancient East philosophical thought", *Vestnik nauki Sibiri*, no. 1 (2), pp. 231–236.
23. *Tan lyuj shu i (Kodeks dinastii Tan s kommentariyami i raz'yasneniyami)* [Tan Lu shu i (Code of the Tang Dynasty with comments and explanations)] (1980), Seriya «ZHehn' zhehn' vehn'hu», Taipei, China.
24. Rybakov, V.M. (ed.) (1999), *Ugolovnye ustanovleniya dinastii Tan (Tan lyuj shu i), tom 1, cz. 1–8* [Criminal establishment of the Tang Dynasty (Tang Lu shu i). Volume 1, juan. 1–8], Peterburgskoe vostokovedenie, St. Petersburg, Russia.
25. Rybakov, V.M. (ed.) (2001), *Ugolovnye ustanovleniya dinastii Tan (Tan lyuj shu i). Cz. 9–16* [Criminal establishment of the Tang Dynasty (Tang Lu shu i). juan. 9-16], Peterburgskoe vostokovedenie, St. Petersburg, Russia.
26. Feoktistov, V.F. (1976), *Filosofskie i obshchestvenno-politicheskie vzglyady Syun'-czy*, [Philosophical and political views Xun Zi], Nauka, Moscow, Russia.

THE SOCIAL FUNCTION OF CHINESE STATE VII – BEG. XX CENTURY

Anton V. Sharkov

Perm State University, 15 Bukirev str., Perm, 614990, Russia

E-mail: darkdoctor47@yandex.ru

Majority of the developed countries and international institutions follow now a neo-liberal approach which recognizes the free market as a universal source of social justice. In modern conditions the Chinese state is behaving more carefully and is not blindly learning from the West practices of social policy. With the past being always in the present and affecting it, China's historical experience in the implementation of the state social responsibility poses a great theoretical and practical value. The author's aim was to reveal the essence of the social function of the Chinese state and its manifestation in the areas of education and health care, social security based on historical material. The author gives the definition of the state social function. Formal setting of state social function in the Chinese law VII – beg. XX century is analyzed. Understanding the essence of man in Confucianism and Neo-Confucianism and their influence on social function are paid particular attention to. The undoubted achievements of the Chinese government in the social sphere are as follows: providing more support for socially vulnerable segments of the population, strengthening the family institution, pension coverage for the officials and scientists, thus making public service more attractive. Active participation of the state, the collective principle added to the development of the essential powers of man in China. However, due to lack of development of its institutions the Chinese government was forced to delegate some of its social functions to other traditional institutions: family, peasant's communities. The paper will be interesting to students and specialists in the area of public and municipal administration, politicians, lawyers, philosophers, historians.

Key words: state; social function; the essence of man; alienation; education; health care system; social security; Confucianism; family